

кардинально до 1917 г. не стали, перевешивали аргументы близости к столице – месту расположения управляющих структур Военного и Морского ведомств, ведущих организаций-разработчиков и научных центров, военных заводов.

С 1918 г. важнейший пункт этой аргументации потерял значимость, так как органы военного управления перебрались в Москву. Проекты переноса Главного артиллерийского полигона рассматривались в 1919 г. (в Голицыно и Завидово под Москвой) и в 1930-е годы (в Оренбуржье, Поволжье, Тамбовскую область). Но из-за дороговизны такого масштабного предприятия и форсированных темпов перевооружения перемещение не было осуществлено.

При вынужденной эвакуации части отделов полигона из Ленинграда в 1941 г. был образован его Гороховецкий филиал, впоследствии ставший самостоятельным испытательным центром. Новые испытательные площадки, создаваемые военным ведомством в 1920-1940-х годах (например, Донгузский зенитный полигон, Ракетный полигон близ Капустина Яра) размещались, как правило, на значительном удалении от границ, крупных населенных пунктов, с учетом особенностей местного ландшафта для испытаний того или иного вида вооружения.

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – архив ВИМАИВиВС), ф. 7р, оп. 7, е.х. 204, лл. 723-724.

² Архив ВИМАИВиВС, ф. 4, оп. 39/3, е.х. 538, лл. 21, 33.

³ Архив ВИМАИВиВС, ф. 4, оп. 39/3, е.х. 576, лл. 56-58

⁴ Архив ВИМАИВиВС, ф. 4, оп. 39/3, е.х. 538, лл. 35-36, 38, 47.

⁵ Архив ВИМАИВиВС, ф. 4, оп. 39/3, е.х. 538, л. 210.

⁶ Архив ВИМАИВиВС, ф. 4, оп. 39/3, е.х. 538, лл. 180, 190; е.х. 818.

⁷ Архив ВИМАИВиВС, ф. 4, оп. 39/3, е.х. 576, лл. 27, 29, 37.

⁸ Архив ВИМАИВиВС, ф. 4, оп. 39/3, е.х. 538, лл. 340, 354.

⁹ Архив ВИМАИВиВС, ф. 4, оп. 39/3, е.х. 538, л. 379; архив в/ч 33491, е.х. 31299, лл. 1-4.

¹⁰ Уколова И.П. Исторические предпосылки формирования системы военно-технического сотрудничества России с зарубежными странами и его информационного обеспечения // Клио. 2014. № 1 (85). С. 103.

¹¹ Наставление для службы на Главном артиллерийском полигоне. Петроград, 1916.

Уткевич Ольга Ивановна (Республика Беларусь)

кандидат философских наук, доцент

Витебский государственный технологический университет

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАСЛЕДИИ И. А. ИЛЬИНА

Иван Александрович Ильин – один из самых известных и глубоких русских мыслителей начала XX столетия. Творческое наследие И. А. Ильина составляет более сорока монографий, несколько сотен статей, десятки публичных выступлений и большое количество писем, написанных не только

на русском, но также на немецком и французском языках. Его мысли, замечания, рассуждения и сегодня не утратили своей актуальности. Он был большим патриотом России, в многочисленных своих произведениях исключительное внимание уделял различным проблемам государственного строительства, духовно-нравственным основаниям жизни человека.

В своих произведениях Ильин широко использует такое понятие, как «духовность». В статье «О чувстве ответственности», написанной им в 1954 году, он приводит следующее концептуальное толкование данного понятия: «Духовность человека состоит прежде всего в уверенности, что в пределах его собственной души есть лучшее и худшее, на самом деле лучшее; такое, качество и достоинство которого не зависит от человеческого произвола; такое, которое надлежит признать и перед которым подобает преклониться»¹. Итак, согласно смыслу приведенного высказывания, духовность – это в первую очередь ответственность. Каждый человек – свободное существо, но именно в качестве такового он будет нести ответ за все свои мысли и поступки. Более того, именно необходимость нести такой ответ и делает человека по настоящему свободным существом. В противном же случае он превратится в марионетку, манипулируемую либо внешними силами, либо собственными произвольными желаниями. Однако необходимо понимать, что ответственность – это еще далеко не вся духовность. Это, скорее всего, лишь ее низший уровень, так как по своей экзистенциальной сущности она носит в преобладающей степени феноменологический характер. Высший же уровень духовности в преобладающей степени носит онтологический характер. То есть духовность – это то, что непосредственно определяет человеческую сущность в его бытийной ипостаси, придавая это ипостаси вектор вечности. Отметим, что в христианском понимании данный вектор связывает человека с Богом.

Именно идея духовности как одухотворенности всякой человеческой деятельности в социуме и стала отправной точкой рассуждений И. А. Ильина о феноменах науки, философии и искусства.

Необходимо начать с того, что русский мыслитель относился к науке не просто как к одному из средств познания человечеством самого себя и окружающего его мира, но и как к сверхгносеологическому социальному феномену. По существу, у него данный феномен имеет специфическое духовное значение. «Наука, – подчеркивал он, – есть великая сила: она учит человека самостоятельному мышлению, предметному опыту и твердому знанию своих пределов; она приучает человека к ответственной осторожности и скромности в суждении. Именно в этом состоит научная культура»².

Отметим, что идея понимания самими учеными исходной гносеологической ограниченности науки нашла достаточно широкое распространение в научном мире еще в прошлом столетии. Особое внимание необходимо обратить на то, что таких взглядов придерживались многие представители физико-математических наук. Так, например, много замечаний подобного рода можно встретить в трудах А. Эйнштейна. Известнейший

ученый прошлого столетия (он считается одним из авторов математического аппарата теории относительности) Ж.-А. Пуанкаре даже построил на основе исходной концепции принципиальной ограниченности научного знания свою оригинальную теорию познания – конвенционализм.

Остановимся теперь на идее И. А. Ильина о том, что наука учит человека мышлению. Отметим, что данная точка зрения вступает в диалог и даже спор о статусе науки, который был характерен для научно-культурного дискурса начала XX столетия. Некоторые мыслители считали, что наука вообще не имеет никакого отношения к осмысляющему человеческому мышлению. Именно об этом писал известный немецкий философ Мартин Хайдеггер в своей работе «Отрешенность», который выделял два типа мышления: осмысляющее и калькулирующее, то есть вычисляющее. Последнее, по его мнению, возникло в Европе в период Нового времени одновременно с появлением феномена науки. «Вычисляющее мышление, – отмечал он, – «загоняет» одну возможность за другой. Оно не может успокоиться и одуматься, прийти в себя. Вычисляющее мышление – это не осмысляющее мышление, оно не способно подумать о смысле, царящем во всем, что есть»³.

Итак, с точки зрения Ильина, наука представляет собой достаточно ограниченную сферу гносеологической деятельности человека, С другой стороны, не смотря на свою такую ограниченность, она обладает большим эвристическим потенциалом. Кроме того, наука формирует в положительном направлении человеческую индивидуальность. Так, по его мнению, она воспитывает свободу в суждениях и позволяет тем, кто занимается ею профессионально, раскрыть свой творческий потенциал. Особенно важно то, настоящий ученый должен быть свободным человеком, то есть освобожденным от всяческих ограничений. В противном же случае он никогда не станет настоящим ученым. «Несчастье молодых русских поколений, – подчеркивал русский философ, – состоит в том, что им систематически навязывали несамостоятельность и покорность ума, приучая их в то же время самоуверенно двигаться в этой навязанной им чужой мысли. Это не наука. Их не научили науке. Ее скрывали от них... Так они росли, не зная ни свободы, ни академии, годами привыкая к тоталитарной каторге ума»⁴.

Конечно, такая точка зрения Ильина носила сугубо субъективный характер. Во многом она была детерминирована его личным крайне негативным отношением к советской власти, которая, по его мнению, идеологически ограничивала возможности научных разработок. На самом же деле, во-первых, не только в науке, но и в любой сфере человеческой жизнедеятельности, необходимо использовать наряду с творческим мышлением также и мышление, воспроизводящее уже полученные другими учеными результаты. Во-вторых, всякая свобода требует наличия определенных ограничений. Главное же гносеологическое ограничение, которое необходимо наложить на деятельность ученых, – это ограничение, связанное с самим предметом научного исследования. Дело в том, что многие методы науки

отноудь не универсальны, их нельзя применять ко всем сторонам человеческого бытия, прежде всего к сфере социальных, межличностных отношений. В противном случае, при отсутствии данных ограничений, неисчислимые несчастья могут ожидать как самих ученых, так и общество в целом.

Наряду с наукой, важнейшим феноменом социальной человеческой деятельности является философия. Ильин не сомневался в наличии глубокой сущностной взаимосвязи между философией и наукой. С другой стороны, он поставил вопрос о том, до каких именно пределов простирается данная взаимосвязь. «Вопрос о том, есть ли философия наука, – считал русский мыслитель, – не стоит разрешать ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Если она наука, – а она может быть наукой, – то это наука, требующая от человека особого духовно-религиозного опыта и особого описательного искусства»⁵. Таким образом, он по существу отрицает саму возможность существования атеистической, безрелигиозной философии, что существенно отличает ее от науки. Причем философ должен воспринимать религию в качестве некоторого самого важного методологического основания, инструмента, позволяющего осмыслить человеческое бытие. Наверное потому, что именно религиозное сознание позволяет посмотреть на мир отстраненно, удаленно, что, в свою очередь, будет способствовать более глубокому его постижению.

Говоря о сущности искусства, И. А. Ильин подчеркивал: следующее: «Все великое в искусстве родилось из служения; служения свободного и добровольного, ибо – вдохновенного. Не из службы или прислуживания, не из властного «заказа», воспринятого рабскою душою. А именно из ответственного, благоговейного служения»⁶. На наш взгляд, с приведенным утверждением нельзя не согласиться. Конечно, в данном случае под служением необходимо понимать не покорность земным реалиям, а добровольное стремление приобщиться к вечности, которая и есть, несомненно, но непостижимо Истина, Любовь и Красота. Приобщившись к этому источнику, автор сможет значительно расширить границы понимания своего художественного произведения.

По мнению русского философа, в XX веке то, что называется термином «современное искусство» переживает глубочайший кризис. Сущность данного кризиса, полагал он, заключается в том, что: «современное «искусство» перестало быть служением и притом священно-служением; оно стало забавою, созданною для возбуждения и раздражения, не то развратною потехою, не то беспринципным промыслом. Оно творится и расцветает в атмосфере художественной бессовестности и духовной безответственности: здесь все позволено, что тешит несытую страсть или извращенный каприз автора; здесь все допускается, что может ослепить, раздражить, развлечь пресыщенную публику...»⁷.

Отметим, что данное высказывание было взято нами из произведения Ильина «Основы искусства. О совершенном в искусстве», впервые

опубликованном еще в 1937 году. С этого времени прошло уже почти 80 лет, а актуальность мысли русского философа только лишь усилилась. На наш взгляд, в современных условиях стремление любой ценой понравиться публике, создать покупаемый рыночный продукт в сфере искусства зачастую превращается в самоцель, переходит все мыслимые границы. По крайней мере, в качестве массового феномена данное стремление не было известно человечеству ранее.

Необходимо особо подчеркнуть, что культура вообще всегда носит ярко выраженный национальный характер, мы смотрим на мир сквозь «очки» своей культуры. Такая ее национальная специфика во многом детерминирована национальным языком. Ильин хорошо понимал данную детерминацию: он считал, что для того, кто хочет получше узнать народ, требуется вначале овладеть его языком, так как именно язык является фонетическим, ритмическим и морфологическим выражением народной души. Говоря по-иному, можно утверждать, что в языке живет душа народа. Здесь она рвется на воздух, рвется к смыслу, здесь она вздыхает и печалится, здесь выражаются ее неосознанные мечты и стремления, непосредственно придается форма ее одаренности, образу мышления и воли.

В заключение нашего анализа культурно-социальных феноменов человеческого бытия, остановимся на понимании И. А. Ильиным сущности самой культуры. «Культура и государство, считал он, – в плане их формы, сущности бытия, инстинктивных побудительных сил – должны оставаться светскими и свободными; должны строиться и жить творчески свободно, базируясь на свободном христианском созерцании сердцем и совестью»⁸.

Иными словами, русский мыслитель в качестве фундамента, на котором зиждется свободное творчество, называет именно духовность, направленность к вечности, а не к сиюминутному, что позволяет в полной мере раскрыть свой творческий потенциал писателю, музыканту, художнику, позволяет преодолеть субъективную ограниченность современной массовой рыночной культуры.

¹ Ильин И. А. О чувстве ответственности I // Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Книга 2. М.: Русская книга, 1993. С. 343.

² Ильин И. А. Академическое несчастье молодых поколений // Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Книга 1. М.: Русская книга, 1993. С. 50.

³ Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге: сборник. М.: Высшая школа, 1991. С. 104.

⁴ Ильин, И. А. Академическое несчастье молодых поколений // Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Книга 1. М.: Русская книга, 1993. С. 54.

⁵ Ильин, И. А. Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований // Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М.: Русская книга, 1998. С. 519.

⁶ Ильин, И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Книга 1. М.: Русская книга, 1996. С. 54.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Ильин И. А. Русские писатели. Литература. Театр. Музыка // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Книга 2. М.: Русская книга, 1996. С. 618.